

Николаева Наталья Геннадьевна, Кузьмин Сергей Игоревич

СКАЗЫ КНЯЗЯ АНДРЕЯ: ТИПОЛОГИЯ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Статья посвящена типологическому и лингвистическому анализу "сказов Андрея" - комментариям Андрея Курбского к отдельным фрагментам его перевода "Богословия" Иоанна Дамаскина. Разрабатывается достаточно подробная классификация "сказов", учитывающая разные основания систематизации. С лингвистической точки зрения комментарии Курбского рассматриваются в отношении языковых особенностей как переводных произведений, созданных под его руководством, так и собственного творчества князя. Делаются выводы о содержательном наполнении и стилистическом оформлении комментариев.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/1/35.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (19). С. 127-132. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.16; 811.163.1

Филологические науки

Статья посвящена типологическому и лингвистическому анализу «сказов Андрея» - комментариям Андрея Курбского к отдельным фрагментам его перевода «Богословия» Иоанна Дамаскина. Разрабатывается достаточно подробная классификация «сказов», учитывающая разные основания систематизации. С лингвистической точки зрения комментарии Курбского рассматриваются в отношении языковых особенностей как переводных произведений, созданных под его руководством, так и собственного творчества князя. Делаются выводы о содержательном наполнении и стилистическом оформлении комментариев.

Ключевые слова и фразы: Андрей Михайлович Курбский; «сказы князя Андрея»; типологический анализ; лингвистический анализ; «Богословие» Иоанна Дамаскина.

Наталья Геннадьевна Николаева, д. филол. н.

Кафедра латинского языка

Казанский государственный медицинский университет

Кафедра филологии

Казанская духовная семинария

eulen@mail.ru

Сергей Игоревич Кузьмин

Казанская духовная семинария

vlad_nikulina@list.ru

СКАЗЫ КНЯЗЯ АНДРЕЯ: ТИПОЛОГИЯ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ[©]

*Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 12-34-01322
«Богословие Иоанна Дамаскина в церковнославянской традиции и рецепции (XVI-XVIII вв.)».*

«Сказами Андрея» назвал князь Андрей Михайлович Курбский свои комментарии к переводу «Богословия» прп. Иоанна Дамаскина, которым он с группой соратников (прежде всего, князем Михаилом Оболенским) занимался в годы эмиграции (1563-1583 гг.). Осознавая всю важность своей задачи – донести до читателей основы православной веры в условиях католической экспансии в западно-русских землях, Курбский сопровождает этот перевод разного рода пояснениями, от глоссирования отдельных слов до развернутых полемических обращений против ересей. Развернутые размышления князя на затронутую в тексте тему варьируются по своему объему, так что строгих границ между ними и краткими пояснениями к тексту нет; к тому же в рукописях не все, даже подробные, комментарии носят подзаголовком «сказы». В связи с этим мы переносим это название – на основании типологического и функционального единства – на все замечания, вынесенные в рукописи на поля и не являющиеся глоссами.

Изучение сказов как в содержательном, так и в языковом аспекте представляется актуальным в связи с важностью изучения преднационального периода развития русского литературного языка в целом и особенностей идиостиля одного из видных писателей XVI века, князя А. М. Курбского в частности.

«Многие из этих “сказов” весьма любопытны, - сообщает А. С. Архангельский. – Они показывают не только широкое и многостороннее образование самого Курбского, но <...> и его необыкновенную предупредительность к своим будущим читателям» [1, с. 373]. По мнению А. Попова, описавшего рукопись собрания Хлудова с переводом Курбского, комментарии принадлежат самому князю, даже если не всегда они написаны его рукой [9, с. 99-100, 113]. Некоторое уточнение вносит современная исследовательница перевода Курбского Ю. Бестерс-Дильгер: по ее наблюдениям, некоторые сказы являются переводом или близким пересказом латинских комментариев, сопровождающих двуязычные (греко-латинские) базельские издания «Богословия» Иоанна Дамаскина, которые служили текстом-основой для переложения князя [15, S. LXXII]. Однако, сравнивая латинские комментарии и сказы князя, следует признать, что князь свободно обращался с латинскими текстами, заимствуя прежде всего их идею, но облакая ее при этом в выражения, свойственные его индивидуальному стилю. Здесь обнаруживается несомненная стилистическая общность сказов с предисловием Андрея Курбского к переводу «Богословия». Языковые и стилистические особенности, которые подробнее будут рассмотрены ниже, создают определенный «портрет» языковой личности и являются аргументом в пользу единого авторства пролога и комментариев к тексту.

Ю. Бестерс-Дильгер предлагает также свою классификацию сказов (*Randanmerkungen*, ‘замечаний на полях’, как она их называет, отделяя от глосс, *Randglossen*): *a*) замечания грамматического характера (чаще всего для объяснения, к чему относится анафорическое местоимение в тексте), *b*) замечания, разъясняющие заимствования, *c*) замечания, неправильно интерпретирующие текст, или замечания к неправильному

переводу, *d*) замечания, предостерегающие против различных ересей, язычества и т.п., *e*) разъяснения к тексту, охватывающие различные темы – от естественнонаучных до богословских [Ibidem, S. LXI-LXII].

О недостатке этой классификации мы уже писали в статье [7], главное – это отсутствие общего ее основания. Составить типологию сказов вообще достаточно трудно: характер одного сказа может меняться в его текстовых пределах – начинаться он может с филологического толкования слова, а затем переходить к разъяснению сущности явления, за словом стоящего. Кроме того, следует учитывать, что гуманитарные науки того времени представляли некий синкретичный комплекс, когда не всегда можно определить четкую границу между богословием и лингвистикой, философией и историей и т.п. В связи с этим мы предложили следующую типологию сказов по двум основаниям [Там же]:

I. по преобладанию одного из направлений целеполагания:

А. сказы с преобладающим комментирующим элементом;

Б. сказы с преобладающим герменевтическим элементом;

II. по преобладающей тематике:

1. богословские;

2. лингвистические;

3. философские;

4. исторические;

5. источниковедческие;

6. естественнонаучные.

В типологии такого вида не учтен фактор правильности/ошибочности комментария. Тематика сказов дана в некоем укрупненном виде, сказы не раздроблены на несколько подвидов в соответствии со своей содержательной направленностью (например, лингвистические не делятся на этимологические, грамматические и т.п.). С другой стороны, эта классификация дает возможность разносторонней и наиболее полной характеристики сказа: например, богословский комментарий, основанный на анализе языковых явлений, можно кратко обозначить как сказ типа А.1.2 и т.п.

Приведем несколько примеров.

Тип А.1 (богословско-комментирующий):

раны о(т) днавола тѣрпаца дре(в)на(г) адма глѣть ире(ч) ра(з)личныє стр(с)ти и недѣли и бѣды на тѣло члч(с)кое наве(д)шиє, а пре(ж)де пречтѣлениа неглѣннѣ бывшѣ и бе(з)смѣртнѣ (л. 102¹).

Тип А.2 (лингвистически-комментирующий):

ре(к)ше вѣдле(м) никакоже (л. 14).

Тип А.3.4 (философско-исторический комментарий):

вопроше(н) о(т) нѣкоторыѣ платонѣ филозофѣ, како бы ѣщещево члч(с)кое выто(л)ковалъ; о(т)вещалъ, иже естъ члч(с) звѣрѣ раз(з)мны(н) смѣртныи, сего ра(д)н з(д)е припомнае(т) се дамаки(н), иже сопротнѣз замомдренны(х) филозофо(в) которые оклеветѣють естество ѣртнѣз, филозофьки(м) обычае(м) вѣщеть, обличающе нѣх (л. 98 об.).

Тип А.4 (исторически-комментирующий):

како новѣю книжѣ, ико обыча(н) бы(л) дре(в)нии жидо(м) книги на сви(т)ки писати (л. 133 об.).

Тип А.6 (естественнонаучный комментарий):

вѣское (вѣско) ко тѣло три образы величества имѣетъ, ире(ч), до(л)готѣ, широтѣ, то(л)готѣ (л. 28 об.).

Тип Б.1 (богословско-герменевтический):

з(д)е дамаки(н) еретико(м) едннво(л)ннко(м) ѣрта заглаж(д)аетъ, ире(ч), аще бы была ипостаси кола иновна, ина была о(т)ча, ина бы была иновна, како и ипостаси в тро(н)це, что е(ст) недобно, иже бы члч(с)каа кола кроме х(с)ва состава была, паче же х(с)лно естъ (л. 87 об.).

Тип Б.2 (лингвистически-герменевтический, этимологический):

ика(з): По крѣ(ц)кѣ гомонимѣ(м), а по рн(м)ки(и), ек вивокѣ(м), а по словѣ(н)ки(и) ни едннзнамнѣющѣє, а се диалекти(ц)ки(и) глѣ(т) дама(с)ки(н) (л. 12).

Тип Б.6 (естественнонаучный-поясняющий):

кометы звѣзды хвостатые, або тѣ(м) подобныє (л. 36).

Уже по некоторым из этих сказов видно, что однозначно присвоить им какую-то тематическую область трудно, как трудно иногда отграничить комментирующий и поясняющий их характер. В большинстве своем сказы имеют смешанную сущность. Например, следующий сказ соединяет в себе комментарий и пояснение, начинаясь с естественнонаучного анализа явления и восходя к богословскому комментарию вопроса (тип А.Б.6.1.):

¹ Нумерация листов по рукописи Румянцевского собрания (РГБ, Рум. № 193), изданной Бестерс-Дильгер [15].

Глеть, аще е(д)м' крѣгов' иречь, едм' пѣте(н) по ннх' же планеты бѣгочин' не по бѣноу оустроению, ше(ст)вѣю(т). которые крѣги, а(л)бо пѣти, оучителн цѣко(в)ные, в' ги (всѣ) во единно(м) нѣси, рек' ше, в' твѣрдн бы(ти) р(з)ѣмѣю(т), никако пр(в)да оумлангѣа, и ище по еж(е)твѣ(н)номѣ пѣ'лѣ, три нѣа имѣти вѣде(м), ирече(ч), пе(р)вое нѣо не(е)ное, почо(м) твѣ(р)дѣ, поглѣдн же воз(д)ѣх, бо и чо писанѣ нѣо(м) нариче(т) (наре-четъ), а(к) з(д)ѣ дамаки(н): вѣндѣте(л)ствѣетъ (л. 32 об.).

Другой пример представляет переплетение богословия и лингвистики (тип Б.1.2):

по рн(м)икн(и), релативѣ(м), або ад мнквндз, а по словензкн(и) о(т)носаще, яко о(т)цѣ еѣа р(дн) глѣтѣа, и еѣз о(т)цѣ р(дн), нѣо никог(д)а же бы наричен' былъ о(т)цѣ, аще бы еѣа не имѣлз, ч(а)ко(ж) никогда бы(л) бы нариче(н) еѣз, аще бы о(т)цѣ не имѣлз (л. 107).

В следующем примере в богословско-естественнонаучный анализ вплетается лингвистическое пояснение (тип А.Б.1.2.6):

ирече(ч), ег(д)а рѣкѣ ко ер(д)цѣ приложишь, токае(т), ирече(ч), вѣтѣа, а(л)бо жили бнѣ(т)ѣа, и аще бы н(м) заповѣдыа(л) не знать, а ни слыша(т), бѣ иа часть жнвотнаа, ре(к)ше, едо(в)наа, далеко о(т) слова(е)ные части дѣшн: а ере(д)наа ча(ст) дѣшн ирече(ч), е(ж) дѣшевнаа нарицае(т)ѣа, иа покарѣ(т)ѣа оумно(н) и слова(е)но(н) части дѣшн, поне(ж) близ(н)ша к' ней (л. 46). Понятие «токаемая» объясняется лингвистически – путем подбора синонимичных единиц (токает, т.е. бьется), затем с биологической точки зрения («жилы бьются», т.е. биение это происходит в сосудах и от нашего волеизъявления не зависит), а затем восходит к богословскому объяснению этого явления, определяя место данной части души во внутренней ее иерархии.

Богословие, таким образом, выступает в комментариях князя незыблемой основой всех наук: явления физического мира выступают как некая метафора принципов общего замысла Творца и призваны аналогично указывать нам на Первопричину.

Завершая тему типологического разнообразия сказов, заметим еще, что в редких случаях сказы содержат ошибочное толкование, если смысл текста Дамаскина ускользает от переводчика. Так, известную в патристике мысль, что зло есть недостаток добра, Курбский комментирует следующим образом: ирѣ(ч) чѣ(ж)ше и не догто(н)не(и) зло бѣгити, а вѣтѣа нѣбытѣ (л. 21), что очевидно искажает мысль автора.

Несмотря на стремление князя к чистоте изложения православной догматики, в его комментариях можно встретить и влияние апокрифов: етрежаше гатана дѣць, и боащеа нѣа(н)на прореченна, того р(дн) бѣгоболн(т) бѣз дати юифѣ (по Хлуд.: бо обрѣчѣне двѣцѣ), да оутн(т)ѣа т(н)на божа о(т) дѣбола, да не лншн(т)ѣа ро(д) члч(е)кн(н) избавленна (л. 133 об.).

Наконец, кроме чистого комментирующего, аргументирующего, герменевтического элементов, некоторые сказы отличает яркий эмотивный компонент. Языковые средства, создающие эмоциональное напряжение сказа, мы рассмотрим ниже – здесь приведем лишь короткий пример, где эмоции обусловлены самим содержанием сказа. Комментируя слова Давида о непостижимости божественного ведения (Пс. 138, 6), Курбский – в тональности псалма – замечает: ни вѣ еднѣ(н) бо тѣлн ище оуднвнлз е(ст) р(з)ѣ(м) божнѣ, яко в члѣце (л. 43).

Нужно помнить, что задача Курбского была не только создать новый перевод основополагающего труда православной догматики, но и сделать этот перевод на правильном, чистом церковнославянском языке (см.: [4]). Можно заметить, что язык сказов – пусть в небольшой степени – различается в зависимости от содержательной его направленности: если сказ богословской тематики, то церковнославянский в нем будет правильнее и чище, чем в иных. Ср., например:

То оубо, иречь, тѣло сме(р)тно было, по етвѣтвѣ(н)номѣ чинѣ, а по соединению слова бывше оживляюще, яко мѣтѣы(х) ко животѣ взирашлз пре(до) очима вѣт(х), и еа(м) ебе вѣкр(е)нлз. а дѣховне яко на(е) оживлае(т), ирече(ч), елѣтнѣю и пло(тн)ю воею, елѣтнѣю, яко адз р(з)рѣшнлз, и о(т) вѣков' оумѣ(р)шн(х) вѣкрнлз, и плѣ(н) ко о(т)цѣ возвелз: а тѣло(м) яко на(е) оживлае(т), яко еа(м), реклз, аще кто еа(е)тъ тѣло мое и пие(т) кро(в) мою елѣтнѣю не оузрит' бо вѣки, и прочее (л. 101) – комментарий типа А.Б.1, написанный на стилистически чистом церковнославянском (учитывая его естественные исторические изменения к XVI веку), содержащий некоторые старые формы (двойственное число – очима), цитату из Писания. Весьма характерно здесь употребление слова плѣ(н) – образования нулевой суффиксации. Эти слова дольше других сохраняли синкретичный характер семантики – так даже и здесь плѣ(н) – это и состояние пребывающих в аду, и вся их совокупность. Следует сказать, что образования нулевой суффиксации вообще были характерны для первого перевода «Богословия», выполненного в X веке Иоанном экзархом Болгарским, и остались приметой текста этого памятника даже в других переводах (см. об этом: [6]).

Нейтральным характером и стилистической однородностью отличаются естественнонаучные комментарии:

сла(д)кля вода н(з) мѡрѡ вытегаема о(т) гнѡца, обрацѡе(т)ѡа во (м)глѡ, кочѡра прѡн(н)де(т) во гре(д)нню члѡ(т) во(з)дѡха, тѡмо о(т) стѡдени лѡра згѡце(т)ѡа, и ра(з)топлае(т)ѡа о(т) гнѡца, а(л)бо о(т) дрѡгн(х) звѡз(д)з, и быѡеть до(ж)чь (л. 39). Здесь обращает на себя внимание несвойственное традиционному церковнославянскому языку местоимение *кочѡра* и заимствование *лѡра*.

Если же мы рассмотрим сказы смешанной типологии (например, на л. 46, о биении пульса – см. выше), то в них мы найдем и слова разговорного стиля (*точѡе(т)*), и полонизмы (*не зѡнѡтъ, а ни слыша(т)*), и иные отклонения от чистого церковнославянского. Как мы уже показали, типологические границы многих сказов размыты, характеристики условны – и так же размывается их язык, так же условна чистота их церковнославянского. Прежде всего ее нарушают неологизмы и полонизмы.

Признание влияния на произведения князя Андрея, созданных в эмиграции, полилингвальной среды, в которой он оказался, стало уже общим местом трудов, посвященных его литературному наследию (например: [3; 5; 12; 13]). Как справедливо замечает В. В. Калугин, «за долгие годы изгнания Курбского они (польско-латинские заимствования и западнорусизмы) стали частью его мышления и стиля» [3, с. 353]. Исследователь литературной и текстологической традиции славянского «Богословия» Х. Трендафилов замечает в своей диссертации, что в сказах Курбского также проскальзывает так называемая «проста мова» с явным отпечатком белорусского и польского языков [14, с. 325]. А. Х. Востоков в описании рукописи Румянцевского собрания вообще называет язык текста «польскорусским», а почерк определяет как «белорусский» [2, с. 240-241]. Новые заимствования из латинского и греческого (через латинский), полонизмы и белорусизмы соседствуют в тексте комментариев – так же, как и в основном тексте перевода. С этой точки зрения, памятник представляет собой единое языковое целое.

Что касается латинских и греческих слов – это в основном термины, эквивалентов которым Курбский не находит в церковнославянском языке (по данным «Материалов к словарю...» И. И. Срезневского [11] и Словаря русского языка XI-XVII вв. [10], их употребления либо не фиксируются, либо фиксируются не ранее создания перевода «Богословия»). Например: *гомоннѡ(м)*, *ек ѡвѡбѡ(м)*, *дѡлектн(ц)кн(и)*, *еклиптика*, *епикѡриѡне*, *кометы*, *вѡетѡтнѡ*, *ленѡ*, *орано(е)*, *тropic(е)*, *фикѡра*, *перифразн(е)*, *апокалипсис*, *догмѡ(м)*, *фантѡзис*, *лингвист*, *перифразнѡ(м)*, *дѡ лнквиѡ*, *матернѡ(л)ное*, *цен ѡтрѡ(м)* (приводятся в той форме, в которой они встретились в тексте). Наряду с явными варваризмами (*орано(е)*, *ек ѡвѡбѡ(м)*, *дѡ лнквиѡ*, *ленѡ*), здесь встречаются слова, которые позже войдут в терминологические системы различных научных дисциплин (*гомоннѡ(м)*, *еклиптика*, *кометы*, *вѡетѡтнѡ*, *тropic(е)*, *фикѡра*, *перифразн(е)*) или станут общеупотребительным языковым достоянием (*кометы*, *фикѡра*, *фантѡзис*, *матернѡ(л)ное*, *цен ѡтрѡ(м)*). В «Лексиконе трехязычном» Федора Поликарпова [8], созданном более века спустя после эпохи Курбского и подводящем своего рода итоги столетних инновационных тенденций в сфере лексики русского языка, обнаруживаются только слова *кометы*, *фантѡзис*, *кентро* (ср. *цен ѡтрѡ(м)*), *матерѡ* (но нет слова *матернѡ(л)ный*).

Тем не менее, позже многие слова войдут в фонд русского языка. Курбский, очевидно, интуитивно чувствовал лакуны в терминологической системе родного языка и пытался заполнить их, используя греко-латинский языковой фонд, который станет базой терминологических систем большинства европейских языков. Нельзя не согласиться с Д. Фрейданком, который полагал, что «Курбский переживает переход к латинской традиции не как кризис, а как дополнение и упрочнение той традиции, из которой он сам происходит. <...> У Курбского мы не найдем ничего от духа Реформации ни в религиозном, ни в государственно-политическом смысле, и совершенно ничего от язычества гуманизма. Его цель – сделать знание латинской традиции полезной для православного славянства. В этом он верный последователь Максима Грека, учеником которого он себя часто называет» [16, S. 815].

Что касается польского влияния, то оно выражается в заимствовании слов с сохранением польских фонетических особенностей (*тыѡлы* – ср. польск. *tytuły*), заимствовании форм (степени сравнения прилагательных: *лѡпѡ(н)*, *намнѡ*), заимствовании грамматических конструкций (*мѡе(ш) рѡй ра(з)ѡметн; не зѡнѡтъ, а ни слыша(т)*).

Особенно часто воздействие польского языка проявляется в глаголах, имеющих эквиваленты или паронимы в церковнославянском (*устѡпѡеть* – ср. польск. *ustępować* ‘уступить’, *зготѡва(л)* – ср. польск. *zgotować* ‘приготовить’, *выѡ(л)кѡва(л)* – ср. польск. *wytkłować* ‘объяснить’). При паронимии возникает очевидное смешение значений и форм славяно-русского и польского: *Снѡе(ч)*, *подѡблоѡа бѡ о(т)ѡѡ* *ниже бы зѡна(е) при(л)ценѡ о(т)ѡѡ* (л. 112) – *подѡблоѡа* – это комментарий к глаголу *подѡбло* в основном тексте. В латинском здесь употреблен глагол *oportuit*, т.е. ‘было необходимо’ (Богу-Отцу принять жертву искупления). Но в комментарии Курбский употребляет форму *подѡблоѡа* – в польском же *podobać się*

означает 'нравится'. Значение это здесь явно неуместно, но под влиянием ошибки Курбского появляется глагол «нравится» (*es gefiel Gott Vater...*) и в немецком издании данного памятника, в переводе сказа [15, S. 446]. Смешение славяно-русского и польского наблюдается в формах типа *зшелз* (польский префикс, но славяно-русское морфонологическое обличие причастия – в польском было бы **zszedt*; ср. форму *понеелз* в другом сказе).

К «простой мове» можно отнести слова, не обнаруживающиеся в Словаре польского языка XVI века [17], но явно имеющие западно-русский характер: *гльпаять*, *притрѣднѣ* и т.п.

В стилистическом отношении для сказов характерна риторическая отточенность, использование риторических приемов, присущих индивидуальному стилю А. Курбского. В. В. Калугин писал о стиле князя: «Курбский – один из самых эмоциональных авторов XVI в. Его стиль полон страсти и аффекта. <...> Писатель стремился повлиять не только на разум, но и на чувства читателей, не только убедить их неопровержимыми доказательствами, но и покорить мощной отточенной речью» [3, s. 156]. Конечно же, переводные богословские произведения в отношении аффектированности стиля будут выглядеть в значительной мере сдержанней полемических произведений князя, но и в переводах он использует излюбленные риторические приемы: использование двух-/трехчленных формульных сочетаний, однокорневые повторы, перечислительные ряды, синтаксический параллелизм, гомеотелевты и – как следствие – ритмизация текста.

Риторические фигуры редко употребляются изолированно. Вот некоторые примеры:

и позна(в)ши и вырозѣмѣбши, и ра(з)сѣдн(в)ши, и портановнѣши ко оуправленю (перечислительный ряд причастий с единоокончанием, л. 50 об.);

а дѣховне яко на(с) ожнелает(т), сире(ч), смѣртю и пло(т)ю своею, смѣртю, яко адз ра(з)рѣшиах, и о(т) веков' оуме(р)ши(х) воейрѣнах, и плѣ(н) ко о(т)цѣ возвелз (синтаксический параллелизм, л. 101);

сире(ч) ра(з)личные стр(с)тн и недѣги и бѣды на чѣло члч(с)кое навел(д)ше, а пре(ж)де пресѣтѣлениа негѣлѣннѣ бывшѣ и везлѣмѣртнѣ (тройной и двойное формульные сочетания, л. 102);

присвоение естество(н)но (н) существе(н)ное хѣ глѣтѣа плоти ради и дѣи нашего существа приагтѣа, не по фа(н)тазин, а ни по лингорин, рекше, не по мечтанию, а ни по о(т)мѣн'номѣ ра(з)мѣнѣню (двойное повторение парных сочетаний – сначала заимствованных слов, затем – их разъяснения, л. 110 об.);

изше(л) на землю, и яко бѣды и навѣтты и ра(з)личные нарѣганя и смѣть поно(с)нѣю отго иден по(д)м(л), и а(ж) до тѣ(х) а(д)ские пропасти тѣ(м)ннц' зшелз, на (в)зыскание и на н(з)бавление погнѣшаго рода чѣлѣвѣчскаго (перечислительный ряд, расширенный эпитетами; двойное сочетание, л. 113 об.);

яко петрз и паве(л) по имана(м), считаю(т)иа а не по естествоѣ, по соство(м) а не по существѣ (параллельно выстроенный фрагмент, единоокончания не только ритмизируют, но и создают эффект рифмы, л. 121);

емѣ по(до)бно и сѣа бѣга нарицае(м), яко бѣа по бж(с)тѣѣ о(т) вышнееестество'ны(х), и яко чѣка по члч(с)тѣѣ о(т) нжа(н)ши(х) (корневой повтор, параллелизм, л. 142 об.).

Следующий фрагмент интересен тем, что он является частью того комментария, который имеет латинскую основу. Но приведенные ниже слова в латинском тексте не обнаруживаются – это творчество самого князя. Здесь мы видим характерную для его стиля эмоциональность (суперлативы с *пре-* в сочетании с пейоративной лексикой):

а не разѣмѣнѣе сего сѣа блаждѣть нже о(н) пресквѣ(р)ны(н) врал(г) о(т) прен(з)лншныа гор(л)огтн сѣ хѣ реклз, а(ж) во(з)лаглѣ(т) собѣ врег(д)а чѣждее, и оубогае(т) чего не имѣеть яко прегор(д)ын дѣмо(н), бго(м) мнѣа и подобе(н) емѣ быти любопригѣа (л. 147). Далее князь пишет еще один комментарий, уже явно от себя, употребляя излюбленный прием гомеотелевтов:

яко са(м) хѣ реклз, ее(н) не собираетъ, со мною ра(с)точаетъ, а сего ра(дн) негѣз правителе(м) и господо(м) дѣлаво(л) виднмы(х) вѣще(н), но сокрѣшнѣ(л) и члнѣ(л), и естествоз превратнѣ(л) (л. 147).

Эмоциональный накал тексту комментариев придает лексика сниженного стилистического характера (снцѣвѣю хѣлѣ о(т)рыгл(л) нечетнѣвы(н) (л. 108), блннн орнге(н)ские (л. 118) и т.п.). Особенно ярко она высвечивается в своего рода стилистических антитезах, в паре с лексикой высокой, ср.:

сире(ч), нбо не н(з)чез' о(т)ню(д) обра(з) адамѣ в' чѣвѣ(х), но запыле(н) и окверненъ стрѣгѣтннн грехо(в)ны(мн), яко драгоцѣн'нын бнсерз в кале погрѣже(н), а(л)бо златы(н) на не(м)же цѣркви(н) образ', выображен' бѣ в'вѣ(р)же(н) в члнѣ, и нево(з)мо(г) нзможе(н) быти ннако и очнѣ(н) (л. 90 об.).

Итак, изучение «сказов Андрея» приводит нас к следующим выводам. Большинство «сказов» написано самим князем – даже те из них, которые имеют латинский первоисточник, являются лишь пересказом мыслей западного комментатора, облеченным в стилистическую форму, свойственную произведениям князя

в целом. Языковые особенности сказов являют общие черты языка Курбского периода эмиграции (появление греко-латинских неологизмов, в основном в терминологической сфере; проникновение в текст полонизмов и «простой мовы» – и наряду с этим тяготение к правильному церковнославянскому). Стиль сказов в целом гораздо сдержаннее стиля политических произведений Курбского, что обусловлено жанрово-стилистическим разрядом самого памятника, хотя до конца «выровнять» свой стиль, избавиться от присущей ему обыкновенно аффектированности князь не может. Содержательное наполнение сказов свидетельствует о высокой образованности А. М. Курбского, его начитанности в разных научных сферах, выдает знакомство князя с работами античных философов и вместе с тем характеризует его как верного поборника православия.

Список литературы

1. **Архангельский А. С.** Образование и литература в Московском государстве кон. XV – XVII в.: из лекций по истории русской литературы. Казань, 1898. 480 с.
2. **Востоков А. Х.** Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. 899 с.
3. **Калугин В. В.** Местные традиции в языке русской литературы XVI-XVII вв. (князь Андрей Курбский и Андрей Лыков) // *Slavia orientalis*. 1994. Т. XLIII. № 3. S. 353-362.
4. **Калугин В. В.** Московские книжники в Великом княжестве Литовском во второй половине XVI века [Электронный ресурс]: исследование. URL: <http://www.voskres.ru/oikumena/kalugin.htm>
5. **Ляпон М. В.** Об отношении языка Курбского к русской литературной норме XVI века // Исследования по славянской филологии: сб., посвященный памяти акад. В. В. Виноградова. М., 1974. С. 227-233.
6. **Николаева Н. Г.** Образования нулевой суффиксации в одновременных церковнославянских переводах «Богословия» Иоанна Дамаскина // *Русский язык: функционирование и развитие: сб. статей к 85-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ проф. В. М. Маркова*. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2012. С. 157-164.
7. **Николаева Н. Г.** «Сказы Андрея»: комментарии А. Курбского к его переводу «Богословия» Иоанна Дамаскина в лингвистическом аспекте // *Русская словесность как основа возрождения русской школы: сб. статей по материалам III международной заочной научно-практической конференции: в 2-х т.* Липецк: ЛГПУ, 2012. Т. 1. С. 77-82.
8. **Поликарпов Ф.** Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллинографических и латинских сокровище из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное. М., 1704.
9. **Попов А.** Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. 664 с.
10. **Словарь русского языка XI–XVII вв.** М.: Наука, 1975-2006. Т. 1-27.
11. **Срезневский И. И.** Материалы для словаря древнерусского языка: в 3-х т. СПб., 1893–1912.
12. **Тамань В. М.** К вопросу о польском влиянии на литературный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 197-204.
13. **Тамань В. М.** Полонизмы в языке русских памятников XVI в. // *Ученые записки. ЛГУ. Серия «Филологические науки»*. 1960. № 267. Вып. 52. С. 98-124.
14. **Трендафилов Х.** «Богословие» Иоанна Дамаскина в литературе Древней Руси: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1994. 363 с.
15. **Besters-Dilger J.** Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528-1583). Freiburg i. Br.: Weiher, 1995. LXXX+1025 S.
16. **Freydank D.** Zwischen griechischer und lateinischer tradition: A. M. Kurbskijs Rezeption der humanistischen Bildung // *Zeitschrift für Slawistik*. 1988. Bd. 33. Hft. 6. S. 806-815.
17. **Slownik polszczyzny XVI wieku** [Электронный ресурс]. URL: <http://poliqaq.wbl.klf.uw.edu.pl/slownik-polszczyzny-xvi-wieku/query/>

PRINCE ANDREI'S TALES: TYPOLOGY AND LANGUAGE FEATURES

Natal'ya Gennad'evna Nikolaeva, Doctor in Philology
*Department of Latin Language
 Kazan' State Medical University
 Department of Philology
 Kazan' Theological Seminary
 eulen@mail.ru*

Sergei Igorevich Kuz'min
*Kazan' Theological Seminary
 vlad_nikuln@list.ru*

The authors present the typological and linguistic analysis of “Andrei’s tales” – Andrei Kurbskii’s comments to the selected fragments of his translation of “Theology” by John of Damascus, develop the detailed classification of the “tales”, taking into account different foundations of systematization, from the linguistic point of view consider Kurbskii’s comments in relation to the language features of both the translated works created under his leadership and the prince’s own creative works, and come to the conclusion about the content and stylistic composition of the comments.

Key words and phrases: Andrei Mikhailovich Kurbskii; “prince Andrei’s tales”; typological analysis; linguistic analysis; “Theology” by John of Damascus.